

Частный детектив
Татьяна Иванова



МАРИНА СЕРОВА

За что
боролись...



ЭКСМО

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова
За что боролись...

«Научная книга»

2002

Серова М. С.

За что боролись... / М. С. Серова — «Научная книга»,
2002 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

Злой рок обрушился на знатоков-чемпионов «Брейн-ринга»: умер от передозировки наркотиков капитан команды, его друг – консультант интеллектуалов – выбросился из окна, а еще двое застрелены. Оставшейся в живых троице также грозит смерть. За расследование берется знаменитая Татьяна Иванова. Все улики ведут в концерн «Атлант-Росс», являющийся спонсором команды. Но Татьяна отказывается верить, что в этом деле замешан ее друг, бывший сокурсник, а сейчас президент концерна. Между тем охота на интеллектуалов продолжается...

© Серова М. С., 2002

© Научная книга, 2002

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1 | 5 |
| Глава 2 | 10 |
| Глава 3 | 17 |
| Глава 4 | 22 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 26 |

Марина Серова

За что боролись...

Глава 1

– Зачем же так пить?..

Голос прозвучал хрипло, надтреснуто и глухо, а на ключевом слове «пить» сорвался на визгливый фальцет балаганного Петрушки. Я приоткрыла глаза и поняла, что эти звуки, испущенные чьей-то истерзанной «сушняком» глоткой, на самом деле изданы мной.

Я попыталась встать, но тут выяснилось, что диван, на котором я скорчилась в позе солдата Первой мировой во время газовой атаки под городом Ипром, является частью огромной центрифуги... Пространство резко рванулось в сторону, запульсировали, наплывая и вновь отдаляясь, серо-белые стены. В голове загудел тяжелый колокол.

– На, выпей, – сказала нечто большое и мутное, и из тумана вынырнул фужер с чем-то жидким, холодным и пузырящимся.

После того как я послушно выполнила это, по телу разлилось приятное тепло, в голове начало стремительно проясняться. Мутное «нечто» также вырисовалось в высокого молодого человека лет двадцати двух, хорошо сложенного и очень красивого, насколько можно судить сквозь еще не растаявшую пелену перед глазами.

– Ой, блин, – пискнула я, поскольку рассмотрела, что на теле молодого человека нет ничего, даже отдаленно напоминающего одежду. – Ты кто такой? – буркнула я, привставая на локте.

От-те раз, и я оказалась совсем голая! По телу прокатилась волна чудовищной усталости, и я рухнула обратно на подушку. Пусть смотрит, мне все равно.

Неизвестно откуда взявшийся парень рассмеялся и, присев, погладил меня по животу.

– Я артист больших и малых академических театров, – гнусаво сказал он, – а фамилия моя слишком известная, чтобы я ее называл.

– Сейчас сама угадаю, – пробормотала я. – Вспомнила! Воло... нет, Вадим... то есть Влад.

– Молодчинка, – одобрительно улыбнулся он, – осталось угадать, откуда ты меня знаешь и что я тут делал у тебя дома?

– Что делал, угадать несложно, – я скользнула взглядом по его обнаженному телу в царапинах и следах поцелуев. – А познакомились мы вчера... в ресторане «Лира»...

– Какая, на хрен, «Лира»? – довольно бесцеремонно перебил он. – Ты заходила в офис фирмы «Атлант», и там...

– Ах да, мне нужно было к Тимуру... по делу.

– Президенту «Атланта»? Анкутдинову? Ты с ним знакома?

– Да, он мой сокурсник. Мы с ним вместе в юридическом учились.

– В юридическом? Я тоже там учусь. На четвертом курсе.

– Да ну! Сколько ж тебе лет?

– Двадцать один, – ответил он и добавил: – Будет через полторы недели.

– Двадцать один? Ну-у... впрочем, ты их прожил недаром, – сказала я, припоминая отдельные подробности совместного ночного времяпрепровождения. – Это мы в офисе так набрались?

– Да нет, в кафешке. Сам уже не помню, в какой.

– А с тобой же еще один был... такой светленький... с глупеньким личиком. Леша его зовут.

– Почему «был»? – пожал плечами Влад. – Он и сейчас здесь.

– То есть... как это?

– Да на твоём компьютере играет.

– А он-то здесь какого?..

Влад хитро прищурился и сказал с ехидным смешком:

– Танечка, милая, а кто вчера весь вечер орал, что хочет заняться групповым сексом с малолетками, то бишь с нами? Мы ж на шесть лет тебя моложе.

Я захлопала ресницами.

– Я?! И что – мы...

– Все вышло превосходно, дорогая, как говорят в поганных американских мелодрамах. Хотя, конечно, мы перебрали со спиртным.

– Чего это я так разохотилась? – задумчиво поинтересовалась я, адресуя этот риторический вопрос скорее самой себе, нежели моему Аполлону из академии права. – Да, впрочем, неважно. А чего это ты мне дал выпить? Божественно полегчало.

– Это фирменный светловский коктейль. Леши Светлова, который в соседней комнате.

– Хороший Леша, – промурлыкала я, потягиваясь на диване. «Сейчас он меня прожжет взглядом», – подумалось мне после того, как я уловила на себе пристальный, немигающий взгляд Влада, полный явно не сыновнего почтения.

– Поддай мне халат, – сказала я, – да и сам чего-нибудь натяни. А то тоже мне Адам и Ева.

– Пошли лучше в ванную, – сказал он, не пошевелив и пальцем, чтобы выполнить мою просьбу, – освежимся.

Я скорчилась в позе а la роденовский «Мыслитель», но Влад, поспешно схватив меня в охапку, потащил через всю квартиру в душ.

«Здоровый какой, – подумала я, обнимая его стройную, мускулистую шею и закрывая глаза, – как пушинку подхватил!»

Хотя я, надо признать, никогда не страдала избытком веса.

– Теперь о сексе неделю думать не буду! – пробурчала я после душа, который оказался лишь предлогом для последующих сексуальных домогательств. Приняла я их, впрочем, более чем благосклонно.

Влад что-то нежно мурлыкнул, как огромный умиротворенный кот, и начал стремительно пожирать содержимое моего холодильника.

Я вошла в комнату, где стоял компьютер. За ним, по словам Влада, должен был сидеть Светлов.

– Хороший у тебя «пентюх», – послышался голос откуда-то из угла.

Светлов развалился в кресле и при этом рассматривал меня с самой гаденькой и откровенной улыбочкой.

– Доброе утро, – я почему-то растерялась и произносила слова приветствия голосом, дрожащим и неуверенным, чего за мной никогда прежде не водилось.

Серо-голубые глаза юнца сузились и вспыхнули холодно и цинично.

– Я немного в футбол поиграл, – нараспев произнес он. – Откуда у тебя «Soccer-98»?

– Да так, друг подарил.

– И друзья у тебя хорошие. Все хорошее, ек-ковалек. А Влад на кухне, что ли? Жрет, аж за ушами трещит?

– Ага.

– Да, ему силы восстановить не помешало бы, – на лице Светлова вспыхнула все та же гаденькая циничная улыбка.

– А ты что делаешь?

– Да так... кроссворды отгадываю. Мозги размять надо.

Я покосилась на простецкое лицо Светлова с растрепавшимся над высоким лбом светлым чубчиком и подумала: о чем он говорит, какие у него еще там мозги?

– А что там?

– Да так, включай, говорю!

Я разыскала пульт дистанционного управления, мирно дремавший под ворохом свежих газет, и нажала кнопку.

– «Брейн-ринг»? Ну, и что?

– Смотри, смотри.

– «А сейчас на ринг выходит новая команда – наши гости с берегов Волги из города Тарасова. Итак, команда „Атлант“. – Голос ведущего повысился максимально. – Генеральный спонсор команды – концерн „Атлант-Росс“!»

– О, черт! – сказала я с ноткой удивления в голосе. – Мне Тимур не говорил ничего.

– Смотри дальше!

– «Представляю состав команды. Номер первый – Константин Кузнецов. Номер второй – Елена Бессонова. Номер третий – Сергей Романовский. Номер четвертый – Константин Казаков. Номер пятый – Федор Дементьев. Номер шестой – капитан команды Владислав Вишнеvский».

– Ничего себе! – воскликнула я. – Так ты, оказывается, интеллекуал. И когда эти съемки были?

– Неделю назад. И вчера. Я только сегодня из Москвы прилетел. Но это снято неделю назад.

– И как успехи?

– Сама смотри.

«Атлант» играл с удивительным блеском, и квалификационная встреча была выиграна всухую. Два вопроса взял капитан, еще на один ответил первый номер Кузнецов, лицо которого показалось мне знакомым.

– Где таких набрали? – удивленно спросила я в трубку. – Ну никогда бы не подумала! Кстати, а почему у вас в команде нет Светлова?

Влад помолчал, потом ответил осторожно и с расстановкой:

– Были такие мысли. Но не сложилось.

– Кто отбирал состав команды? Уж не Анкутдинов ли?

– Да, под его контролем.

– Ай да Тимур! Каких умниц нашел! Да вы еще сопляки против этих зубров брейн-ринговских, а обыгрываете их, как орехи щелкаете!

В матче за выход в высшую лигу «Брейн-ринга» команда «Атлант» не без труда, но обыграла сильную команду «Стирол» во главе с Магистром игры Александром Друzmanом. Влад бурно вещал что-то в трубку, захлебываясь от восторга, а я внимательно разглядывала на экране взятое крупным планом его лицо с напряженно сощуренными красивыми глазами, чистым высоким лбом... Что-то неестественное почудилось мне в той ауре интеллекта, которым так и веяло от всего облика телевизионного Влада. И как он не был похож на мой недавний каприз – породистого самца с инстинктами сексуально озабоченного жеребца, фигурой Аполлона и мозгами плохо дрессированной гориллы.

– «Новый чемпион – команда „Атлант“, номер первый – Константин Кузнецов. Номер второй – Елена Бессонова... Третий... Четвертый... Пятый... Капитан команды – Владислав Вишнеvский!»

* * *

– Алло! Привет, Тимур, это говорит Таня Иванова.

– Чего? – неожиданно переспросили в трубке.

– Добрый день, Тимур Ильич, с вами говорит частный детектив Иванова Татьяна Александровна. Или вы стали туги на ухо?

– А, Таня, извини. Я тут с трех телефонов говорю, да еще факсы накручивают. Так что ты хотела?

– Тимур, ты никогда не говорил, что спонсируешь команду в московском «Брейн-ринге». Давно?

– Чего это вдруг ты заинтересовалась?

– Видела сегодня по телеку. Да еще ее капитана знаю.

– Вишневого? А-а-а, – протянул Анкутдинов тоном, далеким от восторженного. – Я команду сделал месяца четыре назад. Уже с полмесяца играют. Если что подробнее, позвони моему финдиректору Лейсману. А я очень занят, у меня тут неувязочки с акциями нефтеперерабатывающего завода.

– Кому, Аркадию Иосифовичу?

– Да, Лейсману. Надеюсь, твой интерес не связан с какими-нибудь темными делишками, Шерлок Холмс ты наш? – иронически хмыкнул Анкутдинов.

– Да нет. Пока, Тимур.

Лейсману я звонить не стала. Зачем лишний раз трепать себе нервы, разговаривая с этим крайне неприятным мне человеком.

Однако случилось так, что мне все-таки пришлось позвонить и Анкутдинову, и Лейсману. Потому что через три дня произошли события, вынудившие меня сделать это.

Глава 2

Звонок разбудил меня часов в восемь утра. Злобно ругаясь, я поползла к телефону.

– Я слушаю!

– Я хотел бы поговорить с Татьяной Ивановой, – произнес хрипловатый мужской голос.

– Да, это я.

– Вы действительно частный детектив?

– Если вы в этом сомневаетесь, зачем надо было звонить? – довольно нелюбезно переспросила я.

– Простите... Мне необходимо срочно встретиться с вами. Это очень важно и очень нужно. Меня зовут Владимир Андреевич Вишневский. Мой сын... – голос в трубке прервался каким-то нечленораздельным бульканьем.

– Вы отец Влада? – встревоженно произнесла я. – Что с ним? Говорите же!

– Приезжайте к нам немедленно. Прошу вас, он так хотел.

В голосе мужчины слышалась такая неподдельная боль, что я, похолодев, вытолкнула непослушными губами:

– Да, да, я приеду. Но что с ним?

– Он мертв.

– Как – мертв?

– Ради бога, не спрашивайте! Запишите адрес и приезжайте!

* * *

...Влад лежал на диване. Голова его, почему-то обвязанная пестрой старушечьей косынкой, мирно покоилась на подушке, и на первый взгляд могло показаться, что он спит, повернувшись лицом к стене.

Отец, высокий бородатый мужчина лет пятидесяти, держал себя достаточно сдержанно и с достоинством, несмотря на этот страшный удар.

Но его темные глаза смотрели в сторону, а губы нервно подергивались.

Я тронула Влада за плечо, словно пытаюсь разбудить, и повернула его лицо вверх. На меня глянули не прикрытые веками мертвые стеклянные глаза. Черты лица были сильно искажены ужасом и злобой, словно кто-то жуткий и ненавистный наполнил собой последние мгновения жизни несчастного. Но слишком патологической показалась мне эта предсмертная маска ненависти.

– Он умер от передозировки какого-то сильнеешего психотропного препарата, – произнес Владимир Андреевич. – Все симптомы были налицо.

– Вы уверены?

– Татьяна, я профессиональный нарколог и не последний специалист в этой области. Я ручаюсь, что не ошибся.

– Почему у него на голове косынка?

– Я не мог смотреть на это, взгляните и завяжите снова.

Я сняла с головы Влада косынку, и пряди совершенно белых волос рассыпались по подушке.

– О, господи, он весь седой!

Вишневский молча завязал косынку на голове сына.

– Этот препарат неизвестен мне, – сказал он наконец. – Побочный эффект – поседение при передозировке – это что-то новое.

– Как он умер? Зачем вы позвали именно меня?

– Он пришел домой сегодня в четыре утра и упал на пороге, обхватив ладонями голову. Я включил свет и увидел седые волосы... Еще оставались черные пряди, но... он на глазах седел. Я схватил его, но сын отстранил меня и начал говорить:

– «Не надо, папа... со мной кончено... От перцептина нет спасения... лошадиная доза... Передай Тане Ивановой... пусть она сделает для меня это... не говори милиции... телефон в моей записной книжке... какой я дурак, они все обречены... да, ты знаешь, папа... светлячки исчезают с рассветом... все мы светлячки... скоро рассвет, выхода нет... это „Сплин“, папа... светлячки исчезают с рассветом... пусть Таня докопается до них... они сеют смерть, теперь я знаю... но светлячки исчезают с рассветом...» – это были последние его слова в сознании, – закончил Вишневский, – затем начался бред и агония. Он еще что-то пытался сказать... об Эйнштейне, просветлении, будто... об «Атланте»...

– «Атланте»?

– Да. Еще он три раза произнес фамилию «Светлов»... это его друг детства... и опять что-то о светлячках.

– Он говорил о Светлове?

– Да, о Светлове. Затем он затих и умер. Это произошло через сорок минут после его возвращения домой.

Я присела на краешек стула и сжала пальцами виски.

– Вы думаете, это убийство? – не меняя позы, спросила я.

– Да.

– Может ли здесь быть замешан Светлов?

– Леша Светлов? Что вы! Это же лучший друг Влада. Да я и сам знал Лешу, когда он еще пешком под стол ходил.

– Вы собираетесь заявить в милицию?

– Нет, там скажут – передозировка у вашего отпрыска. Я не хочу.

– Что должна делать я?

– Узнать правду обо всем этом. Я знаю, вы цените свои услуги недешево, но готов заплатить любые деньги – не за пределами разумного, конечно.

Я искоса посмотрела на спокойное лицо человека, потерявшего сына, и покачала головой.

– Влад не был мне чужой. Я возьму с вас вдвое меньше обычного, по сто долларов в день за расследование этого дела.

Потом я пристально глянула на Владимира Андреевича и, вынув из сумочки кости, показала их ему.

– Вы знаете, что это? Это мой метод расследования преступлений. Мой метод жизни. Люди живут так, как лягут кости, Владимир Андреевич.

– У кого-то лягут кости, а кто-то ляжет костями, Таня, – печально ответил тот. – Так, как мой сын.

Я молча бросила их на пол.

Выпало 26+4+14.

– Это значит, что противники хотят подавить мою волю, – сказала я. – Есть вероятность, что кто-то, кого вы считаете другом, окажется предателем, господин Вишневский. Кажется, вы что-то говорили о дружбе между Владом и Светловым?

– Светлов никак не относится к вам, он не ваш друг.

– Именно это я и намерена выяснить в ближайшее время. Вы дадите мне его адрес?

* * *

Я зашла в лифт и нажала кнопку пятого этажа. Лифт со скрипом повлек меня наверх, наконец заскрежетал и остановился.

Я очутилась на лестничной площадке перед стальной черной дверью.

– Надеюсь, ты дома, Светлов, – буркнула я и нажала на звонок.

Не открывали долго. Наконец послышался звук отпираемого замка, лязг снятой цепочки, и дверь распахнулась. На пороге в шортах и майке стоял Светлов. Увидев меня, он удивленно поднял брови.

– Ты ко мне, что ли? Ну надо же.

– Нет, к твоему коту.

– Очень смешно. Ну, заходи, коли пришла. Тимка, кыс-кыс-кыс! К тебе пришли. Гляди, какая кошечка, Тимка!

– Да заткнись ты, идиот! – нервно сказала я. – Мне не до шуток, и тебе сейчас станет не до них.

– Пройди в мою комнату, – глупо ухмыляясь, произнес Светлов.

Комната его оказалась просторной и затемненной тяжелыми шторами. У окна располагался большой стол с компьютером, на столе валялись компакт-диски, бумажки и видеокассеты. В двух углах стояли колонки компакт-плеера, из которых невнятным бормотанием доносилась приглушенная музыка.

– Говори тише, бабка спит еще, – предупредил Светлов. – Ну?

– Когда ты в последний раз видел Вишневого?

Светлов пожал плечами.

– А черт его знает. Вчера вроде. Ага, вчера днем.

– Так ты ничего не знаешь, естественно?

– Что я должен знать?

– Вишневский умер от передозировки наркотика сегодня утром.

– Да ты что, сдурела? – шарахнулся Светлов.

– Сдурела! А перед смертью он сказал своему отцу что-то насчет «Атланта», Светлова, то есть тебя, три или четыре раза – и еще повторял фразу...

– Какую фразу? – опустив глаза, встревоженно пробормотал Светлов.

– «Светлячки исчезают с рассветом».

Кровь отхлынула от лица Алексея, и он медленно опустился спиной на подушку.

– Я так и знал, – пробормотал он, закрывая глаза ладонью.

– Что ты сказал?

– Я ничего не говорил. Зачем ты пришла ко мне?

– Я расследую это дело. Меня пригласил отец Влада. Он подозревает, что это убийство.

– Убийство? – холодея, переспросил Светлов.

– И еще Влад хотел, чтобы я нашла убийц.

– То есть он не знал их? Если это убийство...

– Ты говоришь то же самое, что и Вишневский-старший. Кстати, я говорила с ним относительно поведения Влада в последние месяцы его жизни. Владимир Андреевич сказал, что Влад сильно изменился. Он стал раздражительнее, агрессивнее, как-то даже энергичнее. Такая мрачная энергия... Он сказал, что Влад никогда не отличался исключительным умом и знаниями...

– Да, наверное, – подтвердил Светлов, все так же не поднимая глаз.

– Так вот. А тут он стал капитаном команды – чемпиона «Брейн-ринга». Откуда что взялось?!

– Что еще сказал отец Влада? – глухо спросил Светлов.

– Он подозревает, что уже несколько месяцев его сын принимал какой-то сильнейший психостимулятор, форсировавший деятельность мозга.

– Какой же?

– Он говорит, что какой-то новый сложный синтетический и, по-видимому, неизвестный широким кругам.

Светлов покачал головой и тяжело вздохнул. Мне было тягостно смотреть на его беспомощное, ставшее почти детским лицо. Глаза бессмысленно уставились в одну точку на стене, светлые волосы слиплись на лбу от выступившего пота – я сразу поняла, что его что-то гнетет.

– А еще у Влада сильно возросло влечение к женщинам. Конечно, тут отец не мог говорить определенно, но все-таки он заметил. Ты его друг и должен знать... Это так, у Влада действительно?..

– Да, – поспешно перебил меня Светлов, – а ты не заметила тогда, когда мы ночевали у тебя?

Я нахмурилась, чувствуя, как во мне закипает гнев при виде этого полудетского глуповатого лица с потупленными глазами.

– Что вы мне, кстати, тогда подмешали? – резко спросила я.

– Догадалась наконец, – устало выдохнул он. – Да «винт» обычный в рюмку добавили немного. Первитин.

– Так я и думала, козлы! Ладно, я все сказала, теперь будешь говорить ты.

Светлов молчал.

– Я же вижу, что-то тут не то. Откуда Влад брал этот синтетик? Что это за препарат? Ты должен знать.

Светлов все так же молча покачал головой.

– Ах ты гад! – не сдержавшись, прошипела я. – Убили твоего друга, а ты молчишь, опасаясь за свою поганую шкуру!

– Нет, – криво улыбнувшись, ответил Светлов, – я не могу. И знаю я очень немного. Да и то – догадки.

– Ну!

– Эти догадки могут сильно повредить и тебе.

– Да что ты! Ну же, я слушаю, говори.

– Влад действительно принимал психостимулятор, – медленно начал Светлов, очевидно, с трудом выдавливая из себя слова, – я забыл название, он как-то говорил...

– Перцептин?

Даже в полумраке было видно, как смертельно побледнел Светлов.

– Да... – пробормотал он. – Вроде бы так...

– Да не молчи ты! Ну же, – я пыталась растормошить этого туповатого болвана.

– Да, Влад принимал перцептин. Это новейший синтетик, вроде бы расширяющий возможности восприятия памяти... Лучше соображаешь, в общем. Влад говорил, что мозги как бы просветляются... поэтому сидящих на перцептине называют «светлячками».

– Кто же распространяет этот наркотик? – спросила я.

– Не знаю... Вроде человек, синтезировавший его, живет в нашем городе и работает на мафию. Они сбывают его... хотя связи, каналы сбыта еще не... не налажены... недавно его изобрели, этот перцептин.

– И как можно вычислить человека, принимающего перцептин?

– Побочные эффекты – повышенное половое влечение и седеющие волосы... при отходе ничего не соображаешь. Если колоться регулярно – слабоумие и смерть.

– Кстати, о седеющих волосах! – вдруг вспомнила я. – У Влада вся голова была белая. Он поседел, как восьмидесятилетний старик.

– Я боюсь, – сказал Светлов, – у меня есть подозрения, что в этой истории замешан «Атлант-Росс».

– Ага! Ведь Анкутдинов организовал команду четыре месяца назад. И Влад начал принимать перцептин именно четыре-пять месяцев назад. – Я возбужденно потерла ладони. – Неужели в этом замешан Тимур?

– Скорее Лейсман, – слабым голосом произнес Светлов, – он занимался этими делами.

– А ты не принимал перцептин? – вдруг спросила я. – Ведь принимал! Помнишь кроссворды у меня дома, ты еще там шприц использованный оставил.

Светлов отвернулся и нервно закусил губы, лицо приняло бессмысленное, животное выражение.

«Дебил, – подумала я, – неудивительно, что его в команду не взяли. Соображает только после лошадиной дозы перцептина».

– У тебя есть адреса Кузнецова, Романовского, Бессоновой, Казакова и Дементьева?

– Вон записная книжка, посмотри там...

«Перцептин, команда „Брейн-ринга“, „Атлант-Росс“, Лейсман, человек, изобретший перцептин... Какой-нибудь нищий гений из НИИ. Все один к одному. Надо звонить Лейсману и Анкутдинову и встретиться с этими „светлячками“ из команды».

– Кстати, у этого человека... ну, что синтезировал препарат... кликуха «Светлячок». Еще поэтому перцептиновых нарков зовут «светлячками», – вдруг произнес Светлов.

– А ты к этому отношения не имеешь? – иронически поинтересовалась я. – Все-таки фамилия Светлов, а?

Тот пожал плечами с таким идиотским видом, что я поняла: этому человеку не поможет и перцептин. Хотя не знаю – если вспомнить кроссворды.

* * *

– Алло, Тимур? Это Таня Иванова говорит. Мне нужно с тобой сегодня встретиться. У тебя как со временем, очень занят?

– Приходи в половине третьего. Это что, действительно так важно?

– Да, очень важно. Так я приду?

– Буду ждать, – вежливо ответил Анкутдинов.

Перед выходом я в очередной раз меланхолично вытряхнула на пол кости.

28+8+19.

«Вас ожидает тихая и спокойная старость».

– Какое счастье! – растягивая гласные, сказала я. – Значит, я до нее все-таки доживу. Это очень важно уяснить себе, когда отправляешься в офис господина Анкутдинова и его милых и законопослушных подручных.

* * *

Фирма «Атлант-Росс» была, вероятно, самым крупным коммерческим предприятием в городе. Занималась она всем, на чем можно делать деньги, но упор делался на торговлю нефтепродуктами и стройматериалами. Название ее представляло собой аббревиатуру из имен основателей концерна: АТ – Анкутдинов Тимур, президент фирмы; ЛА – Лейсман Аркадий, финансовый директор; НТ – Новаченко Тимофей, начальник охраны.

Пышное словечко «концерн» пристроил к названию фирмы Лейсман (конечно, «Атлант-Росс» до концерна не дотягивал), он же предложил второе наименование «Росс», чтобы придать фирме хоть какой-то русский налет. Особенно если учесть, что в трио основателей и отцов

фирмы не было ни одного русского: Анкутдинов – татарин, Новаченко – украинец, Лейсман – сами понимаете, еврей.

Двухэтажный центральный офис находился на пересечении двух главных улиц города.

Когда я вошла в приемную президента фирмы, то первое, что бросилось в глаза, была огромная фигура главы секьюрити господина Новаченко. Его оперный бас грохотал прямо в ухо хорошенькой длинноногой секретарше в мини-юбке, которая мелодично смеялась, то и дело страдальчески морщась, – наверно, когда децибелы новаченковского баса зашкаливали за все пределы возможного.

Увидя меня, Новаченко крякнул и обратился со следующим приветствием:

- Здоровеньки булы, Танюха! Як живешь, якими витрами занесло?
- Добрый день, Тимофей Леонидович. Спасибо, ничего. Анкутдинов здесь?
- Где ж ему быть-то? Вроде здесь, а, Светочка?

Хорошенькая секретарша взмахнула длиннейшими ресницами и нежным голосом прошептала, что Тимур Ильич здесь, но он очень занят и не принимает.

– Меня зовут Татьяна Иванова, и я условилась с ним о встрече, – напористо проговорила я. – Как это занят?

Светочка исчезла за дверью анкутдиновского кабинета, робко косясь на монументальную фигуру начальника охраны. Через несколько секунд она выпорхнула, изящно переставляя умопомрачительными нижними конечностями, и взор Новаченко вспыхнул хищным блеском, а край торчащего из кармана мобильного еще выше задрался к потолку.

– Проходите, Тимур Ильич ждет вас.

Анкутдинов сидел в огромном кожаном кресле и перебирал какие-то бумажки. Увидев меня, он вяло улыбнулся и, явно без удовольствия встав, сделал два шага навстречу.

– Прекрасно выглядишь, – произнес он. Тон этого заявления никак не вязался с его приятным и по сути правдивым содержанием. – Ну, присаживайся.

– Ты тоже не похож на человека, безнадежно замученного работой.

Да уж, добавила я про себя, чтобы замучить Тимура Ильича работой, надо спустить его в каменоломню на выработку тройной дневной нормы в течение этак полугода.

Анкутдинов выглядел в самом деле очень мужественно и внушительно. Атлетическая фигура под два метра, ничем не хуже, чем у Новаченко, только гораздо стройнее. Мастер спорта по плаванию. Вместо тупой лысой башки с кабаньими глазками – в комплекте с подобным телосложением – на плечах Анкутдинова была удивительно интеллигентная голова. Аккуратная стрижка, тщательно уложенная, тонкие, почти аристократические черты смуглого нерусского лица. Красивые темные восточные глаза за стеклами очков в изящной, дорогущей, наверно, оправе.

Ленивое, невероятно грациозное, холеное животное. И все-таки я знала, что, будь Анкутдинов таким, каким он представлялся с первого взгляда, он никогда бы не стал в свои двадцать восемь Тимуром Ильичом, президентом фирмы «Атлант-Росс».

– Конечно, по делу? – Он прищурил свои и без того довольно узкие глаза.

– А разве с тобой можно иначе?

Он словно нехотя полыхнул снисходительной белозубой улыбкой.

– Это с какой стороны посмотреть. Ты ведь тоже непростая, Таня. Вот, например, сейчас – о какой пакости ты хочешь мне поведать?

– У тебя на эти пакости чутье, – принужденно улыбнулась я.

– Ну тогда валяй.

– Помнишь, я звонила тебе дня три назад и интересовалась твоей командой в «Брейн-ринге»? Ты еще сказал, чтобы я позвонила Лейсману.

– Помню, конечно. И что, ты позвонила ему?

– Нет, не позвонила. А теперь придется.

– Что-то серьезное?

– Ага, куда уж серьезнее. Вишневский, капитан команды, умер сегодня утром от передозировки наркотика.

Он нервно сцепил пальцы и глянул на меня поверх очков почти с досадой.

– Очень жаль, – сказал он. – Ты из-за этого и пришла ко мне? Я не понимаю.

– Я говорила с его отцом, и он подозревает, что это убийство.

Я наскоро пересказала Тимуру содержание нашего разговора с Вишневским-старшим. Он слушал меня, не перебивая, рассеянно раскачивая в пальцах очки на одной дужке, что означало у него высшую степень внимания.

– Неприятная история, – наконец произнес Анкутдинов. – Я даже могу рассказать кое-что еще. Примерно такие же случаи, правда, без смертельного исхода, уже были в юридическом, в университете, в «экономе». Кто-то продает студентам этот препарат, повышающий порог интеллекта и стимулирующий память и восприятие. У меня контрольный пакет акций одной компьютерной фирмы при Академии госслужбы, ну, ПКЦ бывшем. Так и у них были случаи, когда им предлагали перцептин. Посылали на пейджер: «Не желаете ли приобрести то-то по такой-то цене за грамм?» Н-да! Дело и вправду серьезное.

Прозвенел телефон.

– Анкутдинов! Да! Я слушаю. Что? Акции? Да какое, к черту? Идиоты! Немедленно. Сию минуту... Хорошо, я еду.

Тимур хлопнул меня по плечу и, мило улыбнувшись, сказал:

– Извини, Танечка, не могу больше с тобой говорить. Дела. Никак с этим нефтеперерабатывающим заводом не утрясу. Машину через минуту к выходу! – рявкнул он в аппарат. – Так что извини, – снова обернулся он ко мне, – еще раз говорю: позвони Лейсману. Если что раскопаешь или буду нужен – звони на мобильник. Все-таки капитан моей команды, черт возьми...

Визит к Анкутдинову ничего не прояснил. Выходило, что и он не мог сообщить ничего определенного и, как мне показалось, едва ли был причастен к этой истории. А я привыкла полагаться на свою интуицию.

Оставались Лейсман и члены брейн-ринговской команды. И – опять-таки Светлов... Что-то не позволяло мне вычеркнуть его из списка людей, способных пролить свет на эту ситуацию.

Лейсман говорил со мной подчеркнуто сухо и встретиться отказался, ссылаясь на занятость. Когда же я сказала ему, что звоню из приемной Анкутдинова и все попытки финдиректора уклониться от разговора со мной вызовут прямое неудовольствие главы фирмы, Аркадий Иосифович сменил гнев на милость:

– Хорошо, через час в ресторане «Лира». У меня там сейчас деловая встреча с иностранным партнером. После нее я смогу поговорить с вами. Но перед этим позвоню Тимуру Ильичу и проверю...

– Да ради бога, черт возьми! – облегченно выдохнула я в сторону.

По-видимому, Аркадий Иосифович все-таки что-то расслышал, и его не вдохновило забавное соседство в одной фразе бога и черта. Его голос стал совсем уж ледяным:

– Надеюсь, вы не станете отрывать меня от дел по пустякам, и ваш вопрос достаточно серьезен. До встречи, – и господин Лейсман соблаговолил дать отбой.

– Вот урод! – выругалась я.

– Это ты о ком? – поинтересовался все еще торчащий здесь Новаченко.

– Да так... А вы почему не охраняете президента, Тимофей Леонидович?

Глава 3

Зачет по высшей математике группы «Б» четвертого курса химфака университета подходил к концу. Настенные часы показывали половину четвертого, когда из-за угла длинного университетского коридора показались двое. К тому времени у двери аудитории, в которой шла сдача зачета, осталось три человека.

Из двоих вновь прибывших первый был коренастый молодой человек с бритым затылком, широким красным лицом и в сильном подпитии. Ноги его плохо слушались, а физиономия расплывалась в глупейшей довольной улыбке. Избрать путь по высокоамплитудной синусоиде ему не позволяла идущая рядом высокая девушка, крепко вцепившаяся в руку незадачливого выпивохи. Ее лицо, тонкое и миловидное, в настоящий момент было сильно озабочено.

– Что ж ты нажрался, кретин?

– М-м-м, – лаконично ответил тот.

– Опять с Казаковым «Анапу» жабали? Ты хоть бы сначала зачет сдал, а потом квасил, идиот!

– Да л-ладно тебе, Ленк, – наконец выдавил из себя что-то членораздельное любитель дешевых вин, – сейчас сдам...

– Тебя самого надо сдать – в «трезвяк», естественно! Горе ты мое!

Троица оставшихся у дверей аудитории при приближении парочки разразилась радостными приветственными воплями.

– Здорово, Кузнецов! Че это от тебя несет за километр?

– Пошел ты.

– А ты Светлова не видал?

– А че, его еще не было? – вмешалась в разговор Лена, не отпуская руки Кузнецова.

– Да нет. А что тут удивительного? Он в универ только по большим праздникам ходит.

– Куда уж больше – зачет у Смирнитского, – недовольно выговорила Лена. – Как, кстати, принимает?

– Да ниче, пидор сегодня добрый.

– Какой еще пидор?

– Смирнитский, конечно. Ты что, Бессонова, с дуба рухнула, что ли? Але, гараж!

– Кто следующий идет? – спросила Бессонова, равнодушно проигнорировав довольно нахальную фразу.

– Не знаю... Шас Мишка, потом Петров, потом я. А вообще он всех сейчас запустит, наверное.

– Шпоры есть? – пробурчал Кузнецов, приваливаясь к подоконнику и вытаскивая из рукава бутылку «Балтики» номер 9. – А то я ни хрена не рулю, че там...

Лена вырвала у него бутылку и, не обращая внимания на протестующее недовольное мычание, положила в свою сумку.

– Сдашь, тогда выпьешь.

– Ты глянь, – вдруг оживился безнадежно поникший и потерявший было весь смысл жизни Кузнецов, – Светлов идет!

Светлов был мрачен. Прямые светлые волосы растрепались, лицо казалось темным, болезненным и усталым.

– Я думал, опоздаю, – наконец сказал он, кивнув всем присутствующим.

– Ты что так поздно?

– Готовился.

– Ты? – хмыкнул Кузнецов. – Да ладно, Лех, хорош мозги канифолить!

– Знаешь что-нибудь? – спросила Лена.

– Да так... в легкую...

Дверь аудитории отворилась, и показалась бритая ухмыляющаяся физиономия. Вслед за лысой башкой показался и сам ее обладатель, по всей видимости, максимально удовлетворенный жизнью.

– Сдал, е-ка-лэ-мэ-нэ! – выдохнул он. – В цвет прокатило! Ништяк. Я же говорил тебе, что все будет нормально, – обернулся он к одному из еще не сдавших. – А ведь вчера ничего не знал!

Тусклые глаза Светлова при последних словах вспыхнули, и он, хотя и не принимал участия в разговоре, подошел ближе.

– Не хило! – продолжал разглагольствовать тот. – Я же говорил, «лекарство» покатит! А, Светлов! Че, опять ничего не знаешь, как всегда?

– Да так...

– «Да так, да так», – передразнил бритый, – а я вот вчера заплатил столярник, а сегодня все зацепил.

– Перцептин, что ли, купил? – бесцветным голосом произнес Светлов, и его слова прозвучали странно – то ли как вопрос, то ли как утверждение.

Бритый посмотрел на него с некоторым удивлением и даже с долей уважения.

– А ты откуда о нем знаешь?

– Ну-у-у, – пробормотал под нос Светлов, – знаю вот...

Бритый сплюнул и вразвалочку пошел по коридору.

– Ну так купи его, – внезапно громко сказал он через плечо. – Я вот весь курс за два часа выучил.

– Как придешь домой, посмотри в зеркало, умник, – холодно сказал Светлов, тупо пиная о стену сигаретную пачку.

Но бритый уже ушел.

Дверь аудитории распахнулась, и в проеме возникла тщедушная фигура Якова Абрамовича Смирнитского.

– Сколько осталось? Пятеро? Шестеро? А-а-а, Светлов? Какими судьбами, молодой человек? Но все-таки это превосходно – вы удостоили нас своим появлением, искренне вам благодарен. Ну-с, проходите... Превосходно, право, превосходно.

– Леш, тебе дать шпоры? – вполголоса спросила Бессонова.

– Лучше Косте дай, у него ж наверняка нет, – в тон ей ответил Светлов.

– А как же ты?

– У меня есть кое-что, отчего он мне сразу поставит зачет.

– Справка, завизированная министром образования? – иронически спросила Лена, входя в аудиторию.

– Да нет... Доказательство теоремы Ферма.

– Шутник, – фыркнула она, садясь за парту и волоча за собой отчаянно испускающего шлейф перегара Костю Кузнецова.

– Я думаю, вы отдаете себе отчет в том, Светлов, что мало смыслите в моем курсе, в частности, и в высшей математике в целом. Не скрою, такого тотального недопонимания, таких пробелов в изучении курса, слагающих, в сущности, совершенное игнорирование смысла тех скромных по современным меркам крупиц знания, что вы обязаны усвоить из моего предмета, я еще не видал.

Яков Абрамович внушительно поднял палец и посмотрел на скорчившегося перед ним Светлова с видом искреннего соболезнования и укоризны.

– Да-с, – дополнил он свою весьма содержательную речь. Из тона его определенно явствовало, что только катастрофический идиот может еще питать надежды на получение зачета. – Я думаю, нам имеет смысл увидаться на пересдаче.

– А я так не думаю.

– Что? – Пенсне оскорбленно подпрыгнуло на длинном носу Якова Абрамовича. – Вы что-то сказали, Светлов?

– Я думаю, мы не увидимся на пересдаче, Яков Абрамович. Я больше не буду учиться в университете.

– Да что вы такое говорите, молодой человек? – возмутился профессор, ожесточенно жестикулируя сухими морщинистыми ручками перед носом у студента. – Стыдно-с! Даже слушать не стану. Вы проучились почти четыре года непонятно как, но доучились до восьмого семестра, а теперь встаете в позу и говорите: не буду учиться. Это не по-мужски, Светлов.

Яков Абрамович доверительно наклонился к уху Алексея и сказал негромко:

– Вы знаете, Светлов... я сам, безусловно, в современной конъюнктуре... в этой... Одним словом, мой племянник говорил, что в нашем городе синтезирован препарат, колоссально расширяющий возможности мозга. Все это сделано на деньги мафии, и теперь налаживается сеть сбыта продукции.

– Почему все об этом знают, кроме милиции? – пробормотал Светлов.

– Вы наивный человек, Алексей. Этим делом занимаются очень серьезные люди. Если все это, разумеется, не вымысел. Ну так вот... к чему я это сказал? Это может вызвать революцию в науке. И образовательной системе...

– Да и так уже все, кто способен платить, сессию сдают на перцептине! – резко проговорил Светлов. Лицо его, и без того смертельно бледное, стало мучнисто-серым. – Вы к этому вели, профессор?

Губы его конвульсивно дернулись, на висках набрякли сизые жилки, а лоб покрылся крупными каплями пота.

– Вы все мне смертельно надоели, – громким голосом совершенно без интонации выговорил он, – тупые ублюдки, неспособные остаться людьми без проклятой наркоты! Ка-аззлы!

Смирнитский оцепенел, его черненькие глазки превратились в оловянные плоски, он буквально впился взглядом в перекошенное лицо Светлова.

– Они меня ждут там, у порога корпуса. Черный крестик прицела перечеркнет мою шею, и все начнется сначала. Но только без меня.

– Вы больны, Светлов?!

Голос Смирнитского разнесся на всю аудиторию, и даже мирно дремавший в углу Кузнецов пошевелился и оторвал тяжелую голову от парты, а в дверь заглянула уже сдавшая зачет Лена Бессонова, дожидавшаяся Костю.

– Вы положительно больны, – уже спокойнее повторил Яков Абрамович, – успокойтесь, не распускайте себя.

Светлов чудовищным усилием улыбнулся.

– Вы думаете, что человек, придумавший... этот препарат, гений?

– Без сомнения. Ради бога, Светлов, прекратите истерику.

– Поставьте мне зачет, профессор, – неожиданно спокойно выговорил тот, – посмотрите сюда и поставьте зачет.

Профессор глянул в протянутый ему лист бумаги и начал читать. Недоверчивое удивление, плавно перетекшее в искренний интерес. Изумление, переходящее в неподдельный, все-сокрушающий шок и потрясение.

– Светлов, голубчик, откуда это у вас?

– Это теорема Ферма, Яков Абрамыч. Я доказал ее... час назад.

Смирнитский не верил своим глазам. Самая знаменитая, самая недоказуемая теорема математической науки, над которой бились лучшие умы трех последних столетий... И вдруг – какой-то мальчишка, студент-недоучка!

– Я поставлю зачет... – пробормотал он.

– Вот и чудно, – Светлов поднялся во весь рост и, не глядя на Якова Абрамовича, подошел к окну: – Нет, это не я, Яков Абрамыч. Это перцептин. О котором вы так интересно рассказывали. А вы видели Сергеева сегодня? Он, вероятно, блестяще сдал зачет. Так вот... у него на голове седые волосы.

Под страшным ударом хрустнула рама, и посыпались стекла, раня голые до локтя руки Светлова... Одним ловким движением он вскочил на подоконник и помахал окровавленной рукой враз проснувшемуся Кузнецову, изумленному Смирнитскому, вбежавшей в аудиторию Бессоновой...

– Всю жизнь я делал только неверные шаги. Я переступил через себя, я оказался за чертой. Правда, я похож на героя Шекспира? А вот сейчас я сделаю первый – по-настоящему правильный шаг...

Подоконник легко вывернулся у него из-под ног, судорожно раскрылось небо, веером распустилась земля – когда он сделал шаг с четвертого этажа и, перевернувшись в воздухе, упал на мокрый от недавнего дождя асфальт.

* * *

Через четверть часа высокий плотный мужчина в черном полупальто сел в темно-серый «БМВ» и набрал номер сотовика.

– Все в порядке, – сказал он, – нам даже не пришлось вмешиваться.

– То есть? – прозвучал в трубке резкий неприятный голос.

– Он сам...

– Превосходно, – отчеканила трубка. – Тогда уезжайте.

* * *

– Превосходно, – повторил Лейсман кому-то по телефону и, рассоединившись, положил трубку на стол. Неприятно ухмыльнувшись, он посмотрел на меня.

– Шампанского?

– Кофе, если можно, – ответила я. Еще не хватало пить шампанское с этим мерзким Аркадием Иосифовичем!

При непосредственном общении он оказался куда любезнее, нежели по телефону. Но в его преувеличенной тактичности сквозило что-то неестественное и неприятное. Лучше бы продолжал грубить!

– Значит, вы хотите знать, когда и зачем я организовал команду, призванную участвовать в играх «Брейн-ринга»?

– Я уже говорила.

– Команде четыре месяца. Она дважды участвовала в играх и с первой попытки произвела фурор, выиграла чемпионство. Зачем? Милая девочка, это такая реклама фирмы.

«И неплохая скрытая реклама препарата», – продолжила я про себя.

– Что же касается смерти Вишневого, я уже сказал свое мнение. Трагическая случайность, бедняга хотел быть умнее, чем его создал бог, и поплатился.

Лейсман цинично улыбнулся и посмотрел прямо в глаза мне – пронзительным, немигающим взглядом.

– Вам не знакома фамилия Светлов? – спросила я, ничуть не смутившись.

По лицу финансового директора «Атланта-Росс» пробежала гримаса удивления, но он молниеносно совладал с собой и принял прежний снисходительно-равнодушный вид.

– Знакома. Вообще-то он работает у нас в компьютерном отделе. А еще мой дядя преподает у него на химическом факультете университета. Я даже видел его у себя дома.

– Ваш дядя?

– Ну да. Яков Абрамович Смирнитский, если вам так интересно.

– Вы хотели взять его в команду?

– Нет, он на это не тянет.

Подобная пикировка, совершенно беспредметная и бесполезная, могла продолжаться еще долго, и я решила откланяться.

Лейсман глядел мне вслед с презрительной улыбкой и холодно шурил маленькие темно-серые водянистые глазки.

* * *

Я вернулась домой вконец запутавшаяся и расстроенная. Что-то не то! Может быть, Вишневский был в самом деле не в своем уме от передозировки. Может, и Светлов несет беспочвенную околесицу и никакого перцептина не существует? Может, и Анкутдинов что-то путает? По крайней мере, никакого криминала и никакой зацепки. Надо поговорить с участниками команды.

Я задумчиво бросила кости, чтобы хоть как-то прояснить ситуацию.

31+12+20.

«Разве то, что человек может узнать, – именно то, что он должен узнать? Не будьте чрезмерно любопытным».

Очень своевременный совет!

В этот момент раздался звонок в дверь. Кого это ко мне несет?

Недолго думая, я взяла с полки пистолет, взвела курок и пошла открывать незванным гостям.

На пороге стояли молодой человек лет двадцати – двадцати двух, лицо его показалось мне знакомым, и девушка примерно того же возраста.

– Здрасьте! Это вы – Татьяна Иванова?

– Ну да. А вы кто будете и зачем пожаловали?

– Мы от Светлова. Можно войти? – тяжело дыша, как после бега, спросил парень.

– Заходите, – немного удивленно кивнула я.

– Моя фамилия Кузнецов, а это Лена Бессонова. Мы...

– Из «Брейн-ринга»? Из команды Влада? Вот вы-то мне и нужны, – довольно невежливо, но радостно перебила я. – А где сам Светлов?

– Он только что выбросился из окна, – ответила за Кузнецова девушка.

Глава 4

Эти слова – «выбросился из окна» – произвели эффект удара молнии. Я резко отпрянула к стене и едва не выронила пистолет.

– Как это случилось?

– Мы сдавали зачет в универе, – начал рассказывать Кузнецов, – Светлов с самого начала был какой-то не такой... пришел уже к самому концу. Он пошел сдавать предпоследним...

– Последним был Костя, – вставила Лена.

– Да, последним должен был сдавать я... Я задремал в углу, пока они там говорили со Смирнитским...

– С кем?!

– Смирнитским Яковом Абрамовичем, – несколько озадаченно отвечал Кузнецов, – наш преподаватель высшей математики. А что?

– Вы знаете, кто его племянник?

– Нет, а кто?

– Ваш покровитель Лейсман. Он мне сам это сегодня сказал, Лейсман то есть. Даже не знаю, что и думать. Ладно, и что дальше?

– А что дальше? У Светлова приключилось нечто вроде припадка, он разбил окно и выпрыгнул.

– И что ты обо всем этом думаешь? – спросила я.

Кузнецов покачал головой и, сев в прихожей на корточки, уставился в зеркало напротив, словно пытаясь найти там ответы на мучающие его вопросы.

– Вообще-то мы отвезли его в реанимацию, – наконец сказал он совершенно безотносительно к моему вопросу, но эти слова подействовали куда сильнее, чем любой из возможных вариантов непосредственного ответа.

– Так он жив?! – воскликнула я.

– Черепно-мозговая травма, состояние тяжелое, но не смертельное, – сказала Бессонова. – И еще перелом руки.левой. А вы не желаете навестить его?

– Кого?.. Светлова?

– Вишневого, – цинично пошутил Кузнецов, обдав меня нервно-паралитическим перегаром. – И вообще, почему вы не интересуетесь, как мы нашли вашу квартиру?

– Я не самый богом забытый человечиска в этом городе. Найти меня несложно.

– И все-таки поинтересуйтесь, – хмуро сказал Кузнецов.

– Интересуюсь. Ну?

– Я позвонил бабушке Светлова, чтобы предупредить, что ее внук в реанимационном отделении 2-й горбольницы. Когда она меня узнала, то тут же попросила приехать и передала записку. После этого мы поехали к вам.

– Где эта записка? – нетерпеливо спросила я.

– Вот она, – Кузнецов вынул из кармана вчетверо сложенный листок.

«Косте Кузнецову, Лене Бессоновой, Дементьеву, Романовскому, Косте Казакову.

Я не сошел с ума. Я и сейчас более в здравом уме, чем те, кто хочет убить вас. Светлячки догорают. Лейсман и Анкутдинов сворачивают проект, и навсегда, навсегда мы будем молчать. Они уже убили Вишневого. Они собираются убить вас, берегитесь! Ваше счастье, что вы – никто – ничего – не знаете. Укройтесь, ради бога, спрячьтесь, никто не должен знать и слышать. Вы... А Владу один миг дал то, чего я хотел и к чему стремился всю жизнь. Найдите детектива Татьяну Иванову, она хотя ничего и не сообщает, но только не ОБНОН и угрозыск!

Лучше пусть она, потому что и Влад хотел ее, перед тем как умер. А я кончен навсегда, и как это глупо, когда нервы тлеют, как умирающий трут, а глаза в зеркале напротив говорят, что ты уже мертв. Ворота ада отверзнуты, и гореть мне там вечно...

Правда, я забавно написал? Не умирайте, как Вишневский и я. Светлов».

– Типичная паранойя, – сказала я, – ваш Светлов никогда не страдал нервными расстройствами?

– Нет, вы не понимаете!.. – рявкнул Кузнецов. – Нам нужно спасти Светлова, а вы разыгрываете из себя диагноста.

– Одни психопаты и наркоманы, – нервно сказала я, надевая плащ. – Ну, поехали, где там ваш Светлов?

В этот момент Кузнецов повернулся ко мне спиной, и я ясно различила в его коротко остриженных волосах седые пряди.

– Он может прийти в себя, – сказала Бессонова. – И когда он откроет глаза, он должен увидеть нас.

– Одни психопаты! – повторила я и с силой захлопнула дверь квартиры.

* * *

– Очень странный человек ваш Светлов, – говорила я, злобно выворачивая руль с целью обогнуть очередную пробку. – Он всегда такой?

– Нормальный, – пожал плечами Кузнецов и недовольно отвернулся: вопрос был явно ему не по душе.

– А как насчет этой записки с ярко выраженной манией преследования и неврастенической концовкой в стиле дешевых голливудских «ужастиков»? Это самое невинное, что я могу ему инкриминировать.

– Он не стал бы писать такой записки просто так.

– А почему он не предупредил вас непосредственно? Он же видел вас... Да, да, видел на зачете.

– А хрен его знает, – честно ответил Кузнецов. – По крайней мере, я знаю одно: просто так из окна не выпрыгивают. Он же хотел покончить с собой.

– Суицидальный синдром, – ответила я. – У Светлова явно не все дома.

– У него с детства не все дома, – вмешалась Бессонова, – особенно когда он в пятнадцать лет выиграл международную олимпиаду по химии.

– По химии? – переспросила я. – Ну ладно, допустим, Светлов говорил правду. Допустим, что Лейсман... насчет Анкутдинова я сильно сомневаюсь... Лейсман замыслил устранить вас всех, как я полагаю, по принципу принадлежности к команде-чемпиону «Брейн-ринга». Тогда вопрос: Костенька, родной, у тебя давно волосы седеют?

Кузнецов вздрогнул и повернул ко мне озадаченное и хмурое лицо.

– У Влада Вишневского, который умер сегодня утром, вся голова была белая, – будто ненароком добавила я.

Кузнецов посмотрел исподлобья – коротко, холодно, недобро – и вдруг широко улыбнулся, блеснув в полумраке салона великолепными белыми зубами.

– А я ничего не знаю, – почти радостно сказал он, – конечно, я подозревал, что нас – особенно меня и Вишневского... ну, еще Романовского... – накачивают какой-то дрянью. Уж что-то слишком умный я стал.

– Буквально так?

– Умнее, умнее. Это сложно объяснить... Нам давали разные напитки в офисе Анкутдинова, говорили, что они способствуют усвоению и запоминанию информации... Понимаете, разница ощущений между обычным мировосприятием и тем – ну, как будто вы находитесь в

полутемной комнате с серыми выступами на стенах... и вдруг включают свет, и вы видите, что выступы вовсе не выступы, а шкаф, бра, картина, стол... что потолок белый, а обои сиреневые в синих разводах... Мы делали вид, что верили. Так надо, говорил нам Вишневский.

– А почему Светлов не был в команде?

– Вы знаете... он не годится для этого. Он же неврастеник и теряется в трудный момент совершенно. Он консультировал нас.

– Кто отбирал вас в команду?

– Какие-то спецы из НИИ. Компьютерное тестирование, собеседования, медицинское обследование.

– Вам не показалось странным, что при отборе в интеллектуальную, а вовсе не спортивную команду вас освидетельствовали медики?

– Хозяин – барин, – пожал плечами Кузнецов, – Лейсман волен делать все, что ему заблагорассудится; финансовая сторона дела – за ним, и поэтому... Ну, вот так.

– Значит, ты знал, что принимаешь перцептин?

Кузнецов косо глянул на меня и поморщился.

– Кто вам сообщил название?

– Светлов, – ответила я, вырываясь по тротуару и тут же сворачивая на проезжую часть. Какая-то бабулька взвизгнула и ударила авоськой по багажнику, когда я едва не раскатала ее старые косточки по мокрому асфальту.

– Пробка, – оправдываясь, сообщила я.

– Тоже мне чемпион мира «Формулы-1», – снисходительно выговорил Кузнецов и после паузы добавил: – И мне Светлов.

– А кто такой Светлячок, не знаешь?

– Светлячок? Ни разу не видел. По слухам, он и синтезировал перцептин. Да мы все «светлячки», да, Ленк? – обернулся он к Бессоновой.

– Молчи лучше, – коротко ответила та, – так ты выглядишь умнее. – И, обращаясь уже ко мне, продолжала: – Его знали только Светлов и Вишневский. Вишневский – еще не знаю, Светлов – точно. Он всегда был любимцем Лейсмана, и тот от Леши ничего не скрывал, насколько я могу судить.

– Они как повязаны, – добавил Костя.

– Хорошо повязаны, – одобрила я, – если Лейсман хочет его убить.

– Надеюсь, сейчас Светлов ничего не станет скрывать. Если он придет в сознание, – резюмировал Кузнецов.

* * *

К Светлову нам пришлось прорываться едва ли не с боем. Однако боевые действия открыла противная сторона в лице мужиковатой мускулистой медсестры с движениями профессионального боксера. Брызгая слюной, она в наиболее доступных нашим жалким мозгам выражениях поведала, что в реанимационное отделение мы сумеем попасть, только перешагнув через ее труп. «Слонопотам какой-то, – подумала я, оглядев ее корпус, достойный Майка Тайсона и Холифилда, вместе взятых. – Не перешагнешь, однако».

Кузнецов поскреб в лысом затылке и выскреб оттуда целый рой превентивных мер, направленных на устранение нежелательного препятствия. Блистательным воплощением их стала великолепная тирада:

– У вас в отделении лежит некто Светлов Алексей Иванович. Понимаете, если вы не пропустите меня, я не смогу попасть к нему и выполнить поручение шефа. Тогда меня уволят с работы, а увольнение у нас происходит только в одном направлении – на кладбище. Генеральная линия партии, знаете ли...

– Это что же за работа у вас такая? – гулко гроыхнул Тайсон-Холифилд.

– Есть такая милая и законопослушная профессия, – с невинным личиком пролепетал Кузнецов, расплываясь в улыбке, между тем как его правая рука нырнула под пиджак. – А называется она киллер. – Рука вынырнула из-под полы пиджака, сжимая новенький черный пистолет с глушителем. – Разрешите?..

Медсестра-тяжеловес густо крикнула, а затем издала серию горловых звуков, которые испускает неисправный огнетушитель, назойливо трясомый пьяным пожарником.

– Он пришел в себя? – почти нежно спросил Кузнецов, почесывая дулом небритый подбородок.

– Костя, хватит валять дурака! – зашипела Лена, отстраняя своего паясничавшего дружка от продолжающей квакать и брекекекать штатной единицы больничного медперсонала. – Мы пройдем, да? Если он не в сознании, мы немедленно назад...

Медсестра выписала руками непонятные пассы, которые, по ее разумению, означали, вероятно, следующее: «Хоть к черту, только подальше от меня!»

– Где ты взял пушку, кретин? – свирепо рявкнула Бессонова.

– Новаченко подарил на день рождения, – бессмысленно ухмыляясь, ответил Кузнецов. – Я пришел в офис, а он там квасит, ну и...

Он покрутил дулом в воздухе, отчего проходящий мимо старик в пижаме выронил костыли и с юношеской прытью юркнул в палату.

– Убери, долбозвон! – фыркнула Лена, еле сдерживаясь от смеха. – Ствол убери!

– Н-да, – буркнула я и, глянув на шкодливую рожу чемпиона «Брейн-ринга», закусила губу, чтобы не расхохотаться.

* * *

– Травма у него не очень тяжелая, – говорила нам дежурный врач, миловидная женщина лет сорока, спустя десять минут после этих достославных событий, – но тут опасно другое. Он стоял на учете у невропатолога, у него латентная эпилепсия и подозрения на вялотекущую шизофрению с маниакально-депрессивным психозом.

– Вот это букет! – Я аж присвистнула от изумления.

– Он у нас и стоял на учете. А сейчас на почве черепно-мозговой травмы возможна эпилептоидная паранойя – на базе детской эпилепсии.

– Да ну? А фобии, навязчивые идеи – это у него возможно?

– Разумеется. Впрочем, я не по этой части. Если вам нужна консультация специалиста, то...

– Простите, не нужно. Но вы допускаете, что паранойя уже была у него до этой травмы?

– Вполне возможно.

«Черт возьми, ну и дельце подвернулось, – подумала я. – Вести расследование на основе предсмертного бреда наркомана и чепухи больного паранойей субъекта, у которого в дополнение ко всем его достоинствам объявилась еще и эпилепсия – покорнейше благодарю!.. Может, послать все к черту, и дело с концом?»

«Светлячки исчезают с рассветом», – вспомнилось мне... «И эти хороши, – подумала я, оглядев своих спутников с нескрываемым раздражением. – Особенно Кузнецов с его перерагом, тупыми шуточками, а также киллерской „пушкой“ с глушителем».

Нет улик, ну нет их! Какого же ангела я тут даром теряю время? Все! Если Светлов пребывает в пресветлой коме, возвращаюсь к Вишневному-старшему и выражаю ему сочувствие по поводу бессмысленности дальнейшего ведения дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.